

МИХАИЛ
ПРИШВИН

Зеленый шум

Михаил Михайлович Пришвин
Матрешка в картошке
Серия «Лисичкин хлеб»

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 16 июня 2002 года
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161963
М.Пришвин, сборник «Зеленый шум»: Правда; Москва; 1983

Аннотация

В сборник «Зеленый шум» известного русского советского писателя М.М. Пришвина (1873–1954) вошли его наиболее значительные произведения, рассказывающие о встречах с интересными людьми, о красоте русской природы и животном мире нашей страны.

Михаил Михайлович Пришвин Матрешка в картошке

В прежнее время в нашей деревне пастуха никогда не занимали, все, бывало, дети пасут, а дед Михей на пригорке сидит, лапти плетет, детей пасет, чтобы не зевали, ворон не считали.

Бывает с дедом, забудется, лапти тачает, свои годы считает и не видит, что дети все полезли на дерево Москву смотреть. Очнется дед, глянет в сторону детей – все на дереве. Глянет на овец – овцы все в овсе рассыпались. Кони во ржи, как в море, плавают, коровы в лугах, а свиньи все на собственной же дедовой полосе картошку рылом роют.

Тут бывает плохо ребятишкам, хорошо еще успеют с дерева слезть и разбежаться, а не успел, – то прямо и попадает в Михеевы мохнатые лапы.

Выдумали однажды наши пастухи вот какую игру. Есть славный цветок ромашка, в нем солнышко, и к желтому солнышку во все стороны приставлены белые лучи. Вот если оторвать все лучики и оставить только один – это будет поп с одной косичкой, если два – с двумя косичками, три – с тремя, и так, сколько ребят играет, столько можно наделать попов с косичками, только один оставляется без косичек, лы-

мый. Потом каждый пастух вырывает себе на лугу ямку, сундучок, и непременно с крышкой из дерна, сундучок к сундучку, сколько детей, столько и сундучков. И когда наши пастухи всякий себе выкопали по сундучку, то выбрали старосту и отдали ему всех своих попов. Староста разложил попов в разные сундучки, конечно, никто не мог заметить, какой поп пришелся к какому сундучку, – это вот и надо теперь отгадать. А у каждого отгадчика заготовлен крючок; делается обыкновенно из сучковатого прутика. Ну, скажем, что мой поп с одной косичкой лежит во втором сундучке, и это верно пришлось, то я свой крючок вешаю на первый сук дерева, не угадал – крючок остается при мне, пока не угадаю. Но если я во второй раз угадаю, то перевешиваю свой крючок на второй сук, повыше, значит, поближе к Москве. Так, если кто счастлив, из разу в раз перевешивает крючок все выше и выше, да так вот и едет в Москву и за ним все едут, кто поскорей, кто потише. В этот раз первым ехал Антошка Комар, а самой последней девочка – Рыбка.

Но вдруг счастье переменилось. Рыбка забрала верх, а Комар остался в самом низу.

Так ехали, ехали, и вот, наконец, Рыбка сверху кричит:
– Москва!

Дальше ехать некуда, на верхушке дерева больше и сучьев нет.

Между тем дед Михей вовсе заплелся, сидит себе на горке и не видит, что дети по дереву едут в Москву, а самая

большая, черная с белым поясом, свинья Матрешка пошла на его собственную полосу картошку копать. Эта Матрешка самая озорная свинья, и как только она ушла, то и все свиньи за ней, а свиньи ушли, как и кони, и коровы, и овцы. Рыбка сверху первая заметила проказу Матрешки и крикнула:

– Слезай, ребята, Матрешка – в картошке!

Сразу все бросились с дерева и пригнали Матрешку. Стали наказывать Матрешку, как обыкновенно: ставят свинью рылом к реке, и кто-нибудь из пастухов садится на нее верхом, сзади хлестнут прутиком, и свинья мчит всадника до речки. Вот затем и ставят Матрешку рылом к реке, чтобы ей дальше бежать было некуда, а то мало ли куда она может увезти седока. После, когда один прокатится, и другой так, все по очереди Рыбке надо бы первой катиться, она же первая и в Москву приехала и первая заметила Матрешку в картошке, но ребята все прокатились, свинья и рот разинула, а Рыбка все ждала свою очередь.

Вовсе ребята свинью измучили, и такой дед чудак, ничего не замечает, весь в свои старые годы ушел. Но Рыбка от своего не отступает, садится верхом на свинью. В это время Антошка Комар, тот, что первый ехал поначалу в Москву а потом оказался самый последний, взял и устроил скверную штуку Комар и был во всем виноват.

У свиней как бывает с хвостами муха сядет, и то она сейчас же хвостик спрячет между окороками. А Комар взял да и надел Матрешке на хвостик берестяную трубочку и сам изо

всей силы потянул за кончик Матрешка со всех ног бросилась бежать и как почувствовала на хвосте трубочку, то и думала, что боль от нее, и как только добежала до реки против самого глубокого омута – бух в омут и вместе с Рыбкою.

И скрылась.

– Бух! – в воду.

– Ах! – пастухи.

И только круги на тихой воде да по кругам плавают берестяная трубочка.

Дед Михей лапти плетет, ничего не видит, ничего не слышит, весь в свои старые годы ушел.

Онемели ребята от страху, стоят и не шевельнутся, и только во все глаза смотрят на страшное место, где плавают берестяная трубочка. Вдруг из воды пузыри и целый фонтан, потом пятачок нарыльный свиной, уши, на ушах руки, спина, и на спине Рыбка.

Взвизгнули от радости все пастухи.

Думали, вот как только свинья до берега доплывет, Рыбка непременно на сухом месте соскочит. Но вода Матрешке только силы подбавила из воды она как выскочила, прямо в лес. Рыбка не успела соскочить и вместе с Матрешкой исчезла в лесу.

Наш лес, говорят, на сто верст раскинулся, но кто говорит на сто – до ста и считать только может. Куда больше наш лес, и в лесу этом зверья всякого видимо-невидимо волк, медведь, рысь, всякая всячина. В этот лес и увезла Матрешка

маленькую Рыбку.

Скрылась девочка в темном лесу, и в это время дед Михей поднимает, наконец, от лаптей свою старую седую голову. Глянул дед да так и обмер все деревенские свиньи на его же полосе картошку копают, с полдесятины овцы положили овса, кони от слепней в рожь забрались – высокая рожь, только головы конские видны.

Старый бросился к пастухам, а те же стоят себе кучкой и все в лес смотрят за реку.

Оторопел дед:

– Что же, ай вы стеклянные?

Дед Михей показал на коней во ржи, на свиней в картошке.

Пастухи все посмотрели туда и не тронулись, стоят молчат.

Тут дед и заметил – Рыбки нет между ними, спрашивает:
– Где Рыбка?

Все молчат, боятся сказать: Рыбка – дедова внучка.

Тут хорошую выбрал дед Михей прутовинку и на Комара. И все Комар рассказал, одно утаил, как он берестяную трубочку Матрешке на хвостик надел и за кончик больно потянул.

Дед больше не стал допытываться, бежит скорее в деревню, сход собирает. Бросились враз мужики все спасать рожь, овес, картошку, а когда с этим покончили, скорей за реку в лес и там рассыпались в разные стороны. Так у них в по-

исках вся ночь прошла. Солнышко уже высоко было, когда дядя Митрофан вдруг загукал сбор. Увидел дядя Митрофан белую рубашку на кусту, глянул под куст, а там голенькая Рыбка в мох закопалась и вот как сладко спит. И какая оказалась хозяйственная: мокрую рубашонку на куст повесила, и славно она у нее за ночь высохла. Собрались мужики, веселые пошли домой, горевали только, что волк свинью съел. Но и то хорошо обошлось: оказалось, Матрешка еще ночью к своей хозяйке Матрене из лесу прибежала. В тот день постановили на сходе, чтобы у нас, как и в других деревнях, был настоящий пастух и детей этим трудным делом больше не мучить.

Оставили детям одно только занятие – приглядывать за гусями. Но гуси весь день на реке, и за ними глядеть легко. Теперь наши дети без опаски ездят в Москву.